

Новое время, 1889, 6 февраля № 4649

Мат. 1357

«ИВАНОВЪ», ДРАМА ВЪ 4 Д.; АНТОНА ЧЕХОВА.

Драма г. Чехова «Ивановъ» возбудила толки и разговоры въ средѣ литературной, какъ произведение таланта, много обещающаго и дающаго прекрасныя беллетристическія вещи. Эти толки можно резюмировать такъ. Драматическая форма, очевидно, еще стѣсняетъ автора или не подчиняется ему. Характеры сложились въ головѣ автора не драматически, а беллетристически, а потому движенія и дѣйствія въ пьесѣ мало, за исключеніемъ третьяго акта, лучшаго въ пьесѣ и по силѣ заключительной сцены, и отчасти четвертаго. Центральная фигура въ пьесѣ, Ивановъ, для полнаго и яркаго его развитія, требовала бы широкихъ рамокъ романа или большой повѣсти, гдѣ психологическому анализу и послѣдовательному движенію событій былъ бы широкій просторъ; характеръ Иванова, по намѣреніямъ автора, слишкомъ сложный, основанный на внутренней работѣ мысли, чтобы можно было его разработать въ небольшой драмѣ, гдѣ значительное мѣсто отведено притомъ второстепеннымъ лицамъ; поэтому, въ драмѣ этотъ характеръ скорѣе чувствуется, чѣмъ понимается и осязается, и зритель находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится и тѣ лица, среди которыхъ онъ живетъ и которыхъ его совѣсть не понимаютъ. Даже рецензенты поняли Иванова различно. Одинъ нашелъ въ немъ Манфреда, другой — карриатуру Гамлета и пенхопата, третій — «психозъ», четвертый — больного человека и проч. Въ самомъ дѣлѣ, мелкія черты этого характера не соединены въ крупныя группы, а разбросаны въ пьесѣ и потому соединены въ заключительномъ монолוגѣ Иванова довольно искусственно. Правдивыя, искренно написанныя опыты сцены иногда кажутся какъ бы стоящими въ пьесѣ и отбѣгающими скорѣе

повѣствовательной, чѣмъ драматической формѣ; женскіе характеры только намѣчены, почти совсѣмъ не развиты и являются какими-то отрывками, хотя въ судьбѣ Иванова они играютъ первенствующую роль и губятъ его преждевременно.

Каковы бы ни были, однако, недостатки пьесы, великое дѣло — искренній талантъ. У г. Чехова именно искренній талантъ. Искренній талантъ непремѣнно смѣлый талантъ. Смѣлость города беретъ и г. Чеховъ города беретъ и будетъ брать. Чтобы быть смѣлымъ, надо много имѣть въ настоящемъ и, кромѣ того, имѣть большой запасъ для будущаго, чтобы смѣлость постоянно оправдывалась. Однимъ словомъ, для всего этого надо много получить отъ Бога, и г. Чеховъ это получилъ. Изъ всѣхъ молодыхъ талантовъ это самый объективный и независимый. Объективность у него доходитъ иногда до безстрастности. Несмотря на молодость (ему всего 29 лѣтъ), онъ обладаетъ уже большимъ запасомъ наблюдений и угадываетъ многое такое въ русской душѣ, что таланту менѣе сильному не угадать и въ сорокъ лѣтъ.

Міросозерцаніе у него совершенно свое, крѣпко-сложившееся, гуманное, но безъ сантиментальности, независимое отъ всякихъ направленій, какими бы яркими или блѣдными нѣтъ-были они ни украшались; оно отличается большимъ здравомысліемъ и любовью къ жизни; этимъ я хочу сказать, что въ немъ нѣтъ того пессимизма и «мировой скорби», которыми отличается большинство молодыхъ талантовъ. Это позволяетъ ему смотреть прямо въ глаза природѣ и людямъ и, ни мало не лукавя, приветствовать живую жизнь всюду, гдѣ она копошится. Ничего отравленнаго какими нибудь предвзятыми идеями нѣтъ у этого талантливаго человека. Поэтому, нѣтъ у него предвзятости и въ формѣ, которую онъ даетъ своимъ произведеніямъ, и предвзятости въ характерахъ, которые онъ рисуетъ. Онъ не любитъ тѣхъ фразъ, ни пыльных, ни отчаянныхъ, и является другомъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Онъ не

ищетъ героевъ и героинь необыкновенныхъ, съ пылкими страстями, съ подвигами на удивленіе міру, съ намѣреніями великими. У него все самое обыкновенное и заурядное, общечеловѣческое, обыкновенныя дѣти, простые мужичины и простые женщины; и природа говорить у него простой и задушевной поэзіей. Имѣ эти черты въ молодомъ талантѣ чрезвычайно симпатичны. Онъ самъ какъ будто хочетъ сказать, что надо жить просто, какъ всѣ, и вносить свои лучшія силы, лучшія намѣренія въ развитіе этой простой, обыкновенной жизни, а не тратить ихъ на подвиги несообразныя и безъ пути не стремиться замигать моря. Самъ онъ началъ свое литературное поприще, какъ самый обыкновенный смертный, на двадцатомъ году своей жизни. Толкнула его на это поприще нужда, нужда его самого и его близкихъ. Работалъ онъ очень много; онъ писалъ новѣсти, рассказы, фельетоны, замѣтки, написалъ даже одинъ уголовный романъ. Всѣ эти литературные подвиги совершилъ онъ въ мелкой печати, не заботясь обрабатывать своихъ вещей и, кажется, не подозревая размахъ своего таланта. Серьезно сталъ онъ работать только въ два-три послѣдніе годы, когда его вещи, болѣе обширныя чѣмъ прежде, стали появляться въ «Новомъ Времени» и «Северномъ Вѣстникѣ». Онъ не лавилъ къ авторитетамъ журнализма за освѣщеніемъ своихъ начинаній и когда явилась первая книжка его рассказовъ («Пестрые рассказы»), одинъ толстый журналъ строго погрозилъ ему погибѣлью за то, что онъ не сохраняетъ традицій и не подходитъ подъ благословеніе архіереевъ, управляющихъ епархіями русской мысли на поляхъ толстаго журнализма. Но онъ не испугался угрозъ и сохранилъ свою музу во всей неприкосновенности и независимости.

Г. Чеховъ работаетъ на писательскомъ поприщѣ уже десятый годъ. Будучи по профессіи своей врачомъ, онъ имѣетъ возможность видѣть людей въ ихъ домашней, откровенной обстановкѣ; медицинское обра-

Чеховъ об этомъ рец. Сиб-му, 8 февр 1889 г. (14, 304)

Получено об этомъ рец. А. Н. 1888

с. 349

Сиб-му

Замиски, 715

с. 191

Сиб-м. использован в зрѣл. форме хар-му

Иванова, к. рута 2. дан в миссии

вмѣстѣ 30 летъ 1888 г. (приведу мисс. слова

зрѣл. и самъ признаю 81

иногда ставили актрис (зр. 2)

зование помогает ему в психологическом анализе, в объяснении явлений человеческой жизни, но не делает его материалистом, благодаря поэтической чуткости его природы. Запас опыта и наблюдений накопился у него постоянно и непрерывно и едва ли из современных писателей есть еще другой, у которого всего этого было бы так много. При независимости мысли, объективности, далекий в своем творчестве от пессимизма, хотя сам испытывавший нужду, он, как мне кажется, тот писатель, который скажет, в художественных образах, больше правды, чем все его сверстники и соперники по таланту.

Правдивость составляет и существенную черту его драмы и правдивостью своей она и привлекательна. Вот ее сухой осто.

Иванову 35 лет; это дворянин, нябучий тысячу десятин земли и непримиримый член по крестьянским делам присутствия; лет пять тому назад он женился на еврейке Сарре, от которой, вследствие того, родители отказались; Сарра умирает от чахотки; лечит ее земский врач Львов, молодой человек; имением управляет Боркин, его дальний родственник, тоже молодой человек; у Иванова живет еще дядя его, со стороны матери, граф Шабельский, живет как приживальщик. Это одна семья. Другая семья состоит из председателя земской управы, Лебедева, его жены и дочери их Саша. В первой семье необыкновенная скука и нить. Это преимущественно семья нитков. Сарра ноет, потому что больна и потому, что муж стал скучен, не сидит дома, не слушает ее романсов и каждый вечер уезжает к Лебедевым. Врач Львов ноет от скуки, от безнадежного положения больной, которую он любит, от сознания своей необыкновенной честности, которую никто не признает, и от того, наконец, что ему денег не платят. Шабельский ноет от старости, от безделья, от своего безделья и одино-

чества, которое он разнообразит дуэтами с Саррой. Даже веселый и шальной Боркин и тот ноет от скуки и от того, что Иванов не слушается его пеленок или бездельных планов. Вторая семья, Лебедевы — тоже нитки. Сам Лебедев находится в полном рабстве у жены и свое нитье заливает водкой; жена его ноет, потому что скупа, дает на проценты деньги и, разумеется, ничем недовольна; Саша тоже ноет среди скуки и нелюбимых отношений между отцом и матерью. В этой ноющей и скучающей атмосфере, где вращаются и второстепенные лица, такие же нитки, и происходит драма. Она очень проста. Иванова тянет к Саше, Сашу к Иванову, Сарра застаёт их, когда они целуются. Иванов остепеняется немного, но Саша призывает к нему. Об этом узнает Сарра и приходит к мужу с объяснением. Иванов, уже раздраженный рядом предыдущих сцен, где его выводят из себя тем, что не понимают его, объясняя его поступки скверными мотивами, поднимается в своем раздражении до высокой степени, когда Сарра начинает упрекать его всем, и тем, в чем он виноват, и больше всего тем, в чем он совсем не виноват: «замолачи, жидовка», кричит он. Она продолжает. Он не выдерживает и говорит, что она скоро умрет, что это доктор сказал. Блудная женщина, совершенно скошенная и подавленная этими словами, говорит только: «когда он скажет?» Проходит год. Сарра умерла. Иванов женится на Саше, но оба они начинают понимать, что не могут быть счастливы, что любовь их охладела и что всего благоразумнее было бы разстаться. Иванов, перед самым венцом, призывает к невесте и говорит ей, что им надо разстаться. Он объясняет очень обстоятельно причины этой необходимости, начал с того, что у него седы волосы. Невеста противится, но только из великодушия. В это время входит доктор,

мститель за Сарру, и говорит Иванову, что он подлец. Саша заступается за своего жениха горячей и искренней речью. Но Иванов чувствует, что ему ничего больше не остается, как убить себя, и он застреливается.

Умение у нас было лозунгом порядочности и честного гражданского чувства. Словом «неунывающие россияне» обозначались люди непосредственные или такие, которые искали жизни и работы; оно же прилагалось и к тем, которые равнодушно были к господствующим пессимистическим настроениям. Сущность таланта г. Чехова, которую мы старались набросать, именно такова, что ему должно было броситься в глаза это неунывающий, ноющий тип русской жизни и представителем его он изобразил Иванова.

Что такое Иванов? Передаю сущность этого характера почти словами автора.

Иванов, дворянин, университетский человек, ничем незамысловатый; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. Он живет в усадьбе и служит в земстве. Что он делал и как вел себя, что занимало и увлекало его, видно из слов его, обращенных к доктору. «Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на спитых чулках... Не войдете вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стбы... Да хранит вас Бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей...» Вот что у него в прошлом. Сарра, которая видела его рациональные хозяйства и прочие затей, говорит о нем доктору: «Это, доктор, замечательный человек и я жалю, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, по прежнему... какая прелесть!» Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет, или почти нет того русского бар-

на, или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что сильная возбудимость быстро сменяется утомляемостью. Это не одно русское свойство, но и общечеловеческое. Но у нас, русских, оно гораздо сильнее, ибо мы менее образованы, чем другие народы (разумею интеллигенцию), менее знаем, менее приготовлены к практической жизни и менее у нас традиций. Мы легковерно беремся за непосильные задачи и слушаем с восторгом призывы: «Вперед, без страха и сомнений, на подвиг доблестный, друзья!» Мне всегда казалось, что если страха не надо иметь, то сомневаться, т. е., иными словами, размышлять, всегда следует. А у нас человек, едва спрыгнув со школьной скамьи, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, говорит речи, воюет со злом, рукоплещет добру, любить не просто и не как-нибудь, а непременно или синие чулки, или психопатку, или жидовку, или даже проститутку, которых спасает и проч., и проч. Результаты: дожил до 30—35 лет и начинает уже чувствовать утомление и скуку. Мы воображаем, что за сильною возбудимостью последуют сильные результаты. И это как в личной жизни, так и в общественной. Создадим реформу и воображаем, что она сейчас же даст прекрасные результаты. Не даст она их сейчас, мы начинаем не только сомневаться в пользе реформы, но отрицаем ее вовсе. Мы все еще не усвоили себе того, что Запад собою давно усвоил — именно необходимости системы и постоянного труда. Ohne Hast, ohne Rast. При скачках же наших, при наших напираниях сил, мы злимся на то, что жизнь отвечает на стремления и возбудимость гомеопатическими дозами. Мы забываем, что необходимо сообразовать свои силы, не тратить их все на молодость, а рассчитывать,

3
что они понадобятся и на зрелые годы. Мы никак не хотим понять, что закон природы одинаков, как для того мужика, который надорвался, поднимая жернов, так и для интеллигента, который израсходовал всю энергию жизни в лета молодости и силы. Начинается нытье, недовольство собою и всем. Это и случилось с Ивановым и он начал тянуть заушную: «выбирайте себе чтонибудь заушное, сурьенное, без ярких красок, без лишнего звуков... Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чем сурье и монотоннее фон, тем лучше». Из одной крайности человек попадает в другую. Попад в такое положение, узкие и недобросовестные люди обыкновенно сваливают всю вину на среду, или же записывают в штат лишнего людей и Гамлетов и на том успокаиваются. Иванов же, человек прямой, открыто заявляет доктору, что он себя не понимает; перемени, происшедшая в нем, оскорбляет его порядочность. Он ищет причину вины и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины. Русский человек — умер ли у него кто иль в дом, заболел ли, должен ли он кому иль, или сам дал в займы — всегда чувствует себя виноватым. Все время Иванов толкует о какой-то своей вине и чувство вины растет в нем при каждом толчке. «День и ночь болит моя совесть, говорит он Сам: чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю...»

К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одиночество. Будь Иванов чиновником, актером, попом, профессором, он бы свялся с своим положением. Но он живет в усадьбе. Люди вокруг него или пьяницы, или картежники, или такие, как врач Лвов... Все в нем и в его чувствах и переменах в нем. Он одиночек. Давняя зима, длин-

ные вечера, пустой сад, пустые комнаты, брызжащий граф, больная жена... Уехать нискуда. Поэтому каждую минуту его томить вопрос: куда дѣваться? Между тѣмъ жизнь предъявляетъ къ нему свои законныя требованія и онъ, хочешь — не хочешь, долженъ рѣшать вопросы. Больная жена — вопросъ, куча долговъ — вопросъ, Саша въшается на шею — вопросъ. Такие люди, какъ Ивановъ, не рѣшаютъ вопросовъ, а нападаютъ подъ ихъ тяжестью. Они теряются, разводятся руками, нервничаютъ, жалуется, дѣлаютъ глупости и, въ концѣ концовъ, давъ волю своимъ распушеннымъ нервамъ, теряютъ подъ ногами почву и поступаютъ въ разрядъ «надломленныхъ» и «не понятыхъ».

Но утомляемость у насъ выражается не однимъ только нѣтъ, или ощущеніемъ скуки. Жизнь утомленного человека очень не равна. Всѣ утомленные люди не теряютъ способности возбуждаться въ сильнѣйшей степени, но очень не надолго, причѣмъ послѣ каждого возбужденія наступаютъ еще большія апатіи.

Объясняется Саша въ любви. Ивановъ въ восторгѣ кричитъ: «Новая жизнь!», а на другое утро вѣрнуть въ эту жизнь столько же, сколько въ домового; жена оскорбляетъ его, онъ выходитъ изъ себя, возбуждается и бросаетъ ей жестокое оскорбленіе. Его обзываютъ подлецомъ. Если это не убиваетъ его рыхлый мозгъ, то онъ возбуждается и произноситъ себѣ приговоръ. Не случись съ нимъ пистолета, дѣло могло бы кончиться какъ-нибудь иначе.

Вотъ каковъ этотъ Ивановъ. Въ немъ всѣ мы чувствуемъ частицу самихъ себя; типъ этотъ не новъ, но ново правдивое его освѣщеніе безъ киваній на обстоятельства, на среду и тому подобныя вздоры. Рядомъ съ нимъ стоитъ другой человекъ — земскій врачъ Львовъ.

Это типъ честнаго, прямого, горячаго, но узкаго и прижизненной человека. У г. Чехова это лицо еще менѣе выяснено, чѣмъ Ивановъ. Про такихъ умные люди говорятъ:

онъ глупъ, но въ немъ есть честное чувство. Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо такимъ людямъ. Это олицетворенный шаблонъ, ходячая тенденція. На каждое явленіе и лицо онъ смотритъ сквозь тѣсную раму, обо всемъ судитъ предвзято. Протипъ такихъ людей тургеневскій Кисляковъ изъ «Нови», который предложилъ дѣвицѣ «полюбить не его, но идею». Но Тургеневъ чуть только тронулъ этотъ типъ, въ комическомъ освѣщеніи. Г. Чеховъ взялъ его серьезнѣе; по нѣкоторымъ словамъ его и дѣйствіямъ, по монологу Саши, обращенному къ Львову (см. ниже), можно видѣть, что г. Чеховъ прекрасно понимаетъ такихъ людей. Но вышелъ онъ у него довольно неопредѣленнымъ, отчасти благодаря тому, что и Ивановъ не выясненъ вполнѣ, что Сарра и Саша чуть только намѣчены и что онъ поставленъ между мужемъ и женой, которая, какъ женщина, возбуждаетъ симпатіи, а чрезъ нее и онъ своимъ заступничествомъ за нее. Можетъ быть такихъ людей не слѣдуетъ изображать смѣшными: они не виноваты въ томъ, что не умны, но, оставаясь честными и прямыми, они иногда симпатичны и приносятъ свою долю пользы въ жизни. Но и «героями» ихъ выставить не для чего, ибо господство этой прямолинейности, этихъ людей, проглатывающихъ аршинъ тенденцій, больше приносятъ вреда, чѣмъ пользы, и подъ эту грубую и яко бы независимую форму поддѣляется множество просто дрянныхъ людей. При нашемъ повальномъ свойствѣ отрицать и ругаться, поддѣлки очень легки, а литература и сцена то и дѣло ставила намъ этихъ лицъ въ героическихъ образахъ. Мы ихъ встрѣчали въ посредственныхъ романахъ, комедіяхъ и драмахъ, и въ формахъ студентовъ, и технологовъ, и инженеровъ, и даже обойщиковъ, которые кричали со сцены: «Дорогу честному труду!» и театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Крыловъ и его подражатели ужасно любятъ

таких прямолинейных героев, с их прописными фразами о честности, о труде, о свободе; любовь эта объясняется расчетом на дешевый успех и очень легким их изображением. Поставил фамилию, а под ней громкая фраза и «лицо» готово. В романах г. Михайлова таких людей не початый угол и все с героической стороны. Для них человек очень простая машина и анализировать его нечего — «подлецы» и «кулаки» и этим все сказано. Среди них богатый мужик — непременно кулак; человек не прямолинейный — непременно подлец. Ко всем они подходят с этою мѣрою, даже к героям литературных произведений, в которых ищут или подлнца, или святого. Обыкновенные грешные люди их не удовлетворяют и о своей честности они громко кричат. Понятно, что угрызения совести они не знают, ибо они «честные труженики» и казнить «темную силу», «торжествующее зло».

Осторожное изображение г. Чеховым Львова сдѣлало, однако, то, что для зрителя он не далеко ушел бы от «героя», еслиб Саша, в концѣ пьесы, не характеризовала его приблизительно так:

— Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это знает весь свет. Скажите лучше, понимаете ли вы себя или нѣтъ? Вы вошли сюда честным человеком и нанесли моему жениху оскорбление, которое едва не убило меня. Ранѣе вы вышивались в его частную жизнь, злословили его, пресѣдовали и думали, что это честно. Вы, вѣдь, не шалили даже его покойной жены и не давали ей житья вашими сомнѣніями. Вы разсылали анонимные письма и все время думали, что вы необыкновенно честный и передовой человек...

Но вѣдь это говорит Саша, говорить в страстном возбужденіи, в негодованіи на оскорбителя своего жениха. Зритель не уловит даже всѣх ее словъ, а

еслиб и уловил, то примет их за страстные, даже за клевету, ибо зритель почти ничего того не видит со стороны Львова в теченіе пьесы, о чемъ говорятъ она. Развѣ только самоубійство Иванова хорошо подчеркиваетъ прямолинейность Львова...

Но если Ивановъ и Львовъ не выяснены вполне в дѣйствіи, они вѣрно поставлены. Повторяемъ, вполне яркими и выпуклыми они могли бы явиться только в романѣ или в драмѣ, болѣе широкой и болѣе разработанной, чѣмъ «Ивановъ». Но и в томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее, она явленіе выдающееся и свѣжее, и по лицамъ, дѣйствительно живымъ, и по бытовымъ картинкамъ, и по объективности во истину талантливой.

Отъ живыхъ людей на сценѣ мы начали было отвѣчать, ибо репертуаръ г. Крылова поднималъ насъ неустанно прямолинейными маньяками или иностранцами, перелопачившими на русскіе нравы. Мы готовились уже было признать ихъ за своихъ, что можно видѣть изъ «Новостей», которые нашли, что живые люди у г. Чехова — карикатуры на современное общество, и изъ князя Мещерскаго, который сказалъ: «Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, въ какой средѣ талантливый беллетристъ вращался около такого курьезнаго подбора уродливыхъ существъ и умственныхъ калѣкъ». «Новости», кажется, не могутъ помириться съ тѣмъ, чтобы люди университетскаго образованія, занимающіе выдающіяся мѣста въ уѣздѣ, были такими неинтересными, тупыми безпрестанно водку, играли въ винтъ и проч. Князь Мещерскій, съ своей стороны, не можетъ допустить такихъ лицъ среди помѣщиковъ. Но кто живалъ въ провинціи, тотъ скажетъ, что это правда, что университетъ ни отъ чего не защищаетъ и алмазъ матеръ грустною тѣнью вѣдетъ надъ винтомъ, сплетнями и графиномъ съ водкой. Если въ пьесѣ г. Чехова есть нѣкоторый шаржъ, то онъ извиняется сценическими условіями и нѣкоторою неопыт-

ностью автора. Г. Чеховъ изобразилъ людей самыхъ обыкновенныхъ, не глупыхъ и не особенно умныхъ, не добродѣтельныхъ и не злодѣевъ. Онъ не далъ имъ въ руки знаменъ и они прожигаютъ со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ, со всею своею скукою и вытѣмъ, и вотъ люди, требующіе знаменъ, говорятъ, что это карикатура. Успокойтесь, господа: жизнь иногда хуже всякой карикатуры, а правдѣ не привыкать къ тому, что ей не вѣрятъ именно тогда, когда она — дѣйствительная правда...

Можно съ увѣренностью сказать, что слѣдующее драматическое произведеніе г. Чехова будетъ гораздо выше этого, зрѣлѣе и обдуманнѣе. Что въ талантѣ его входитъ элементъ драматическій въ значительной степени — нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Объ этомъ можно было догадаться даже по такимъ сценкамъ, какъ «Медвѣдь», напечатаннымъ въ «Новомъ Времени» въ прошломъ году и ставшимъ репертуарнымъ и въ провинціи, и на частныхъ домашнихъ сценахъ. Пьеска эта завтра идетъ на Александринской сценѣ съ г-жею Савиной и г. Сазоновымъ.

Поговоримъ объ исполненіи «Иванова». Я очень люблю статистику, но статистику актерской игры терпѣть не могу. Подъ актерской статистикой я разумю это перечисленіе актеровъ и актрисъ съ краткими приговорами. Говорить, что актерамъ это нужно и публикѣ будто бы нужно. Не смѣю не вѣрить, потому что такъ дѣлается во всемъ мѣрѣ. Но я поднимаюсь этому всегда нехотя. Когда актеръ или актриса захватитъ меня всего и я чувствую потребность высказаться, сообщить читателямъ свой восторгъ, я готовъ о нихъ написать цѣлый фельетонъ, но если они только помогали общему ансамблю, то что я скажу такого, что бы дѣйствительно стоило сказать? По моимъ наблюденіямъ, печать не вліяетъ на актеровъ, какъ можетъ вліять школа и традиція. Въ Москвѣ почти нѣтъ театральной критики, а труппа Малаго театра —

прекрасная труппа, обладающая способностью выравнивать дарования и поднимать их. Качество решительно драгоценное, в котором печать совести не участвует. Это мимодоход. Вообще актеры считают себя сильными в своем ремесле, театральные рецензенты в своем, и остаются друг другу или довольны, или недовольны. Поэтому, писать разбор игры каждого актера — совсем неблагоприятный труд: читателю это неинтересно, а автору бесполезно: все равно актер не сдвигает такт, как хочет критик. Да и сам критик не уверен, хорошо ли то, что он советует актеру. Если он послушается критика, пожалуй, выйдет еще хуже. Другое дело объяснить актеру то лицо, которое изображал автор. Но ведь тут, что ни человек, то и мненье. Даже авторское мненье не всегда убедительно. Покойный А. Н. Островский говорил, что лучшую Катерину в «Грозе» он видел в провинции, но была ли это лучшая Катерина в самом деле? Каждая актриса, играющая эту роль, наверное считает себя лучшей. Рецензент, видевший одну хорошую актрису в этой роли, считает эту именно Катерину лучшей. Об актерской игре вообще у нас является очень мало скольконибудь дальнего, хотя пишется об этом решительно каждый день, но пишется так, что можно очень удобно слова заменить цифрами, для удобства, по 12-ти балльной систем: он растянута. Почему это так? Да втройно потому, что на самом деле и очень мало является скольконибудь замечательного и приходится ограничиваться баллами и соотноситься с публикой, как она принимает актера. Репертуар однообразный, лица однообразны, роли не важные — что тут сказать?

Актеры говорят, что их игру надо видеть в третье или четвертое представление, что по первому представлению, когда они обыкновенно чувствуют себя неуверенными и нервными, судить о них нельзя. Это не совсем верно. В са-

мую за первым представлением может выиграть ансамбль и устойчивость каждого актера в своей роли, но уже по первому представлению в огромном большинстве случаев можно судить, как кто освоит себя роль. В первом представлении действительно еще много неровностей, но за то в первом представлении иногда выдаются такие вдохновенные моменты у актера, которые потом не повторяются. Мне случилось это наблюдать много раз.

«Иванов» был принят актерами очень внимательно. Они сейчас же замечали, что пьеса вылезает из репертуара, что для выходов ничего нет, что роли написаны не по актерам, а актеры должны принараиваться к ролям. И труппа прекрасно справилась с этим делом.

Вот тут бы и надо кончить... В труппе актеры с разной степенью таланта и, стало быть, прекрасны они были в разной степени. Но так нельзя: все бы могли обидеться и счесть это за злую шутку. Но ведь, серьезно говоря, в пьесе одна только большая роль — Иванова, остальные служебны и особую типичность совсем не окрашены, за исключением одного графа Шабельского. Несмотря на это предисловие, подчиняюсь рутине.

Главную роль (Иванова) играл г. Давыдов. Роль эта, монотонная в двух первых актах, живая и драматичная в третьем и четвертом. Талантливый актер удивительно хорошо сыграл ее в третьем акте сплошь, и очень хорошо был и в четвертом акте. Г. Давыдов иногда (говоря) иногда любит мудрить и умом подкапываться под роли, которые он играет, словно боясь, что чуть таланта его может обмануть, а непосредственное чувство завести в переулочек. Я очень люблю этого актера, но иногда мне страстно хочется наговорить ему неприятностей, потому что, по моим наблюдениям, талант ему подсказывает гораздо

хуже, а корректура ума заводит в переулочек, путая иногда представления об изображаемом им лице. В заключительной сцене 3-го акта («ты жидовна» и проч.) именно талант дал ему удивительно фирменные ноты для изображения человека слабого, но способного возбуждаться до высокой степени, до сумасшествия; в эти мгновения можно убить и застрелиться. Эта черта, превосходно переданная артистом, эти несколько мгновений, какиенибудь полминуты, лучше объясняют Иванова, чем все разсуждения и признания этого лица. Г. Свободный мастерски схватил отдельные черты графа Шабельского, лица эпизодического, черты, разбросанные по всей драме, и соединил их в яркий тип. В его изображении этого графа-приживальщика явился чуть ли не самым симпатичным лицом в пьесе. Г. Варламов (Лебедев) прекрасно загримировался и умел выдвинуть добродушие этого пьяницы и раба своей жены; по ему следовало бы ускорить немного темп своей роли. Г. Давыдов (Боркин) как будто стеснялся и искал надлежащего тона, то находя его, то теряя; эту роль следовало бы играть просто и весело, не задаваясь никакими задачами. Это лицо настолько порочно и живо, сколько распущенное и на словах, и на деле. Г. Чернов хорошо сыграл Львова, а г. Ардин — страстного винтера. Были хороши г-жи Жулева, Стрельская и Хлебникова. Г-жа Савина (Саша) прекрасно сыграла сцену в 3-м акте, где Саша приезжает к Иванову в амазонку, и вообще сыграла монолог Львову, который мне нравится. Г-жа Стрелетова одушевила заключительную сцену.

Свяжешь пьесу, сомнительного таланта, эффектово, притянутых за уши, нельзя лучше и на сцене.

А. Суворин